

Е. В. Толстова

Многоязычие как слагаемое педагогического мастерства Мартина Лютера

В статье рассмотрено двуязычие средневековой Германии и многоязычие немецкого просветителя Мартина Лютера. Выявлены причины смены языков в его застольных беседах, воспитательный потенциал мультилингвизма.

Ключевые слова: культура речи, речевое поведение, билингвальное говорение, мультилингвизм, мультикультурализм, диалог культур.

E. V. Tolstova

Multilingualism as a Part of Martin Luther's Pedagogical Skill

In the article is considered bilingualism of medieval Germany and multilingualism of the German enlightener Martin Luther. Reasons for the change of languages in his table talks, educational potential of multilingualism are depicted.

Keywords: speech culture, verbal behaviour, bilingual speaking, multilingualism, multiculturalism, a dialogue of cultures.

Для поликультурной России актуальность исследования вопросов мультилингвизма детерминирована масштабами его функционирования в учебно-воспитательном пространстве и контактирования не менее трех языков, например, родного – чувашского, государственного – русского, иностранного – немецкого (английского, французского). Коммуникативные формы многоязычия наиболее интенсивно реализуются в условиях билингвизма в устной и письменной речи, их особенности выявляются нами в лютеровском педагогическом наследии, где наиболее прозрачно отражена активная мыслительная операция реформатора просвещения в качестве говорящего субъекта и его многочисленной семейной аудитории как слушателя. Нами учтен и факт преподавания латинского языка на ряде вузовских факультетов.

Застольные речи выдающегося просветителя Лютера, записи которых велись с 1529 г. [1, с. 103], неоднозначно оцениваются в педагогической литературе, а исследования постсоветского периода практически не уделяли им внимания. Многочисленные непубличные, не подготовленные заранее выступления на определенную тему, а спонтанные высказывания по разным темам не произносились для публикации, однако когда Лютер начинал интересные размышления, то ученики пытались их записывать с применением системы сокращений, принятой в латинском языке, ибо в немецком такой еще не было. Позже они переписывали свои записи набело, обменивались блокнотами друг с другом, пытались по

памяти восстановить сказанное, так что индивидуальные особенности восприятия записывающих, безусловно, нашли свое отражение в содержании застольных речей. Записи велись все-сторонне образованными людьми, ставшими впоследствии пасторами, суперинтендантами, университетскими преподавателями. Хотя записи речей не имеют той же аутентичности, что и пленка магнитофона, но именно этот источник как можно лучше отражает язык того времени.

Поскольку к семье великого реформатора М. Лютера относились также и приемные дети, и слуги, и родственники с детьми, и ученые-коллеги, и друзья, и студенты, проживавшие за умеренную плату и столовавшие в доме профессора, то в создавшейся непринужденной семейной обстановке за столом возникала возможность обсуждать совершенно разнообразные вопросы: о вере, церкви, государстве, светской жизни христианина, о вещах, которые до сих пор не освещались Лютером ни в проповедях, ни в лекциях, ни в книгах. Студенты смело записывали застольные беседы, поскольку хозяин дома снисходительно к этому относился, еще больше их ободряло его высказывание: «Как много поучительных историй и изречений, которые относятся к прошлому и настоящему немецких земель и о которых мы почти ничего не знаем, следовало бы их обнаружить! Но... не находится никого, кто описал бы это... Потому-то о нас, немцах, ничего не знают в других странах, вследствие чего во всем мире нас называют немецкими тварями, которые ни на что не способ-

ны, кроме войны, обжорства и пьянства» [3, с. 102–103].

Двуязычие – широко распространенное явление, присущее истории человеческих отношений с давних пор. Лютера и его соратников можно назвать как минимум билингвами, ибо они изъяснялись на любом из двух или более языков. Собравшиеся под вечер обитатели дома и гости общались за столом по-немецки, но если затрагивались ученые темы, то говорящие автоматически переключались частично или полностью на латынь. В течение средних веков в Германии господствовал билингвизм: в быту говорили на разных диалектах, а общим языком науки и культуры была латынь, которую нельзя назвать мертвым языком, поскольку на ней писали, говорили, она была единственным способом общения между образованными людьми разных стран и народов. Единого национального языка, способного занять место латыни, еще не было. Считающийся создателем немецкого национального языка Лютер, которому принадлежит много монолингвальных немецких и латинских текстов, писал больше на латыни (70 % напечатанных на территории Германии книг в 1570 г. были на латинском языке). В неформальной застольной беседе он естественным образом использует оба языка, нередко смешивая их даже в рамках одного предложения.

Виды билингвального говорения в застольных речах в доме реформатора служат стилистически-риторическим целям, целям контекстуализации (перехода от констатации фактов к оценке) и расстановки акцентов, для подчеркивания сказанного путем повтора на другом языке и для выделения чужой речи (для смены голосов).

Причинами перехода на другой язык могли быть:

– *Терминология*. Специальные заимствованные из латыни выражения вплетаются в немецкое предложение, при этом часто немецким остается только определяемая сказуемым структура предложения: *Spiritus Sanctus setzt mortem ein ad roenam* (Святой дух устанавливает смерть в наказание) [4, с. 11]. Немецкие выражения также могут войти в латинский контекст: *Sicut ego bibo ein starken trunk birs* (Как я пью большой глоток пива) [4, с. 11].

– *Аффект*. Позитивные и негативные чувства легче передаются по-немецки. Например, говоря о том, насколько сильным ударом для родителей является смерть ребенка, Лютер обращается к собственному опыту и, естественно, меняет язык

в начатой на латинском беседе: *Ego sum expertus wie weh es tut* (Я знаю по опыту, как это больно) [4, с. 12]. Теплые чувства по отношению к жене и детям заставляют реформатора говорить по-немецки: *Disco et oro mit meinem Hansen und meinem Lenichen* (Я учусь и молюсь с моим Хансом и Ленихен) [4, с. 12]. По-немецки Лютеру было удобно и ругаться: развивая тему о дьяволе, он постоянно переходил с латинского на «крепкий» немецкий язык. Образность, выразительность лучше реализуются на другом языке: *Si rusticus aut noblis uns krumm ansieht, wollen wir aus der Haut* (Если крестьянин или аристократ косо на нас посмотрят, мы выходим из себя) или *Was frage ich darnach, quod isurarii, nobles, rustici, cives avari halten mich fuer ein Dreck* (Мне нет до этого дела, что ростовщики, аристократы, крестьяне и скупые граждане считают меня дрянью) [4, с. 12].

– *Необходимость приведения цитат из библейских и устных выражений*. Когда приводятся слова других людей, смена языка выполняет роль устных кавычек, то есть немецкому тексту предшествует латинское начало: *Dixi ad eum: Esset uhr auch* (Сказал я ему: вы тоже ешьте) [4, с. 12]. Или наоборот, цитата на латыни вводится словами на немецком: *Es heisst: Lux in tenebris lucet* (Это называется: Свет во тьме светит) [4, с. 12].

Во многих случаях трудно выделить причину предпочтения одного языка другому. Ключевое слово иногда встречается то на немецком, то на латинском. Очевидно, в обоих языках они были распространенными как в устной, так и в письменной речи: лат. *fides* = нем. *Glauben*, лат. *lingua* = нем. *Zunge* – тот или другой вариант этих слов часто сменяют друг друга. Однако только в сфере латинского языка принадлежат *ratio, illustratus, blasphemia, spiritus* и др. Эквивалентное соотношение не должно внушать мысль о полном соответствии латинского и немецкого слов, которые во многих случаях не соответствовали семантическим связям, о чем неоднократно высказывался Лютер. В отношении соответствия лат. *cor* – нем. *Herz* «сердце» он, в частности, писал: «Создай, Господь, во мне чистое сердце», где немецкому *Herz* соответствуют латинские *Animam, Intellectum, Voluntatem, Affectum* («дух, рассудок, воля, стремление») [4, с. 13]. Примечательно, что именно немецкое слово Лютер выбрал для пояснений.

Следовательно, высокообразованные гуманисты-интеллектуалы, во времена которых латынь – язык для высоконаучных тем – была гарантом

профессионального успеха и социального статуса, естественным образом используют в неформальных застольных беседах оба языка и меняют язык не из-за недостаточной компетентности в одном из них, а для расстановки нюансов, стилистической градации при сохранении грамматической структуры латыни и гармоничного сочетания языка религии и науки и немецкого языка. Такой билингвизм, характеризующий речевую культуру педагога Лютера, был символом принадлежности к элите в его время. Сам же профессор высоко ценил языки: «Языки – это ножи, в которых хранится меч Духа. Они – ларец, в котором переносится это сокровище. Они – сосуд, куда помещают этот напиток. И, как само Евангелие показывает, они – корзины, в которых лежит этот хлеб, и рыба, и куски пищи» [3, с. 56].

Застольные речи Лютера – яркая демонстрация речевого поведения немецкого просветителя, его отличного владения несколькими языками, пример полноценной межкультурной коммуникации, где воплощается умение мыслить на двух разных языках. Для «Зари Просвещения» переключение от языка к языку как сложная психическая деятельность, предполагающая высокую степень развития мозга и высокий интеллектуальный и творческий потенциал, – доказательство современности педагогического наследия Реформации. От современных образованных людей мы традиционно ожидаем владения одним или несколькими иностранными языками, а от нерусских высокообразованных людей в многонациональной России – активного владения родным языком. Однако в сегодняшней России, где высшее образование стало всеобщим, приблизиться к средневековой норме на первый взгляд кажется нереальным, несмотря на провозглашенную цель всех вузов – формировать коммуникативную компетенцию. А основной чертой мирового языкового ландшафта можно скорее назвать несовершенное многоязычие и многоязычное несовершенство [2].

Таким образом, обращение к речевому поведению многоязычного Мартина Лютера пропагандирует мультилингвизм, поликультурализм, которые, в свою очередь, способствуют воспитанию толерантных граждан, уважительно относящихся к жизненному укладу разных народов мира, готовых к диалогу культур и продолжающих многовековые всемирные традиции образованных людей.

Библиографический список

1. Голубкин, Ю. А. Учить, радовать и приводить в движение сердце. «Застольные речи» М. Лютера [Текст] / Ю. А. Голубкин // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 762: Історія. – Вип. 39. – 2007. – С. 101–110.
2. Хотинская, Г. Энтелехия и герменевтика мультилингвизма: пролегомены к истории проблемы [Электронный ресурс] / Г. Хотинская. – Режим доступа: <http://waucongress.narod.ru/Entelechie2.htm>
3. Gedike, F. D. Luthers Pädagogik oder Gedanken über Erziehung und Schulwesen aus Schriften Luthers gesammelt / F. D. Gedike. – Berlin: bei Johann Friedrich Unger, 1792. – 115 с.
4. Stolt, B. Martin Luthers Rhetorik des Herzens / B. Stolt. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. – 200 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Golubkin, YU. A. Uchit', radovat' i privodit' v dvizheniye serdtse. «Zastol'nyye rechi» M. Lyutera [Tekst] / YU. A. Golubkin // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 762: Історія. – Вип. 39. – 2007. – С. 101–110.
2. Khotinskaya, G. Entelekhia i germenektivka mul'tilingvizma: prolegomeny k istorii problemy [Elektronnyj resurs] / G. Khotinskaya. – Rezhim dostupa: <http://waucongress.narod.ru/Entelechie2.htm>
3. Gedike, F. D. Luthers Pädagogik oder Gedanken über Erziehung und Schulwesen aus Schriften Luthers gesammelt / F. D. Gedike. – Berlin: bei Johann Friedrich Unger, 1792. – 115 s.
4. Stolt, B. Martin Luthers Rhetorik des Herzens / B. Stolt. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. – 200 s.